

Е.Е. ПРОНИНА

Последний из хазар: словарь Милорада Павича

Милорад Павич

М. Павич – современный мыслитель в полном смысле этого слова. Он – самый цитируемый в Интернете писатель (данные 2000 г.). Его интерактивная пьеса и рассказы получили широкое распространение в Интернете и на CD, а роман-лексикон "Хазарский словарь" стал мировым бестселлером. Про него говорят, что он пишет "нелинейную прозу"... И в то же время: "Павич живет в мире фантазий и снов, пронизанном мистикой Византии и Каббалы" (К. Плаар, цит. по [Павич, 2002⁶]); "Он делает нас участниками магической, фантастической, полной юмора и иронии игры метафизического оптимизма" (З. Глушчевич, цит. по [Павич, 2002^а]). Не в том ли секрет суперсовременности произведений Павича, что он просто вернулся к древним архетипическим символам и верованиям, помещая их в новый контекст, как это свойственно постмодернизму? Или перед нами действительно новый этап в эволюции человеческого мышления и самосознания?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо выделить наиболее характерные особенности поэтики и стиля Павича. Специфическая структура мышления делает все произведения писателя эксклюзивными, но в полном масштабе раскрывается в романе "Хазарский словарь", который сразу же стал знаменитым. Первое, что обращает на себя внимание, – необыкновенные, застигающие врасплох своей неожиданностью и яркостью метафоры. При этом самые чудесные превращения и невозможные события Павич излагает обычным языком, каким описывают текущую повседневной жизни. Этот обыденный стиль становится своего рода рамкой или фоном, на котором парадоксальные образы Павича разверзаются, как прорывы бездонного неба в сплошной облачности. Посреди вполне обыденного и даже какого-то казенного и спокойного историко-архивного изложения фактов читателя вдруг останавливает невесть откуда взявшаяся метафора и уводит его взгляд в бесконечность, в которой тонут все предыдущие слова и мысли.

"Хазары, независимое и сильное племя, воинственные кочевники, в момент, не известный истории, появились с Востока, *гонимые жаркой тишиной* (курсив мой. – Е.П.), и в период с VII по X в. населяли сушу между двумя морями – Каспийским и Черным". Так начинается "Хазарский словарь". Фраза написана дотошным и доста-

Пронина Елена Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

точно скучным языком исторических трудов, но в середине ее возникает никак не ожидаемая метафора, даже не метафора, а симфора (то есть полное олицетворение, отождествление без сравнения: *гонимые тишиной*), и не просто симфора, а симфора с еще одной встроенной метафорой (*гонимые жаркой тишиной*). Читатель на мгновение как бы теряет почву под ногами, погружается с головой в образ, от неожиданности захлебнувшись возникшими сенсорными ощущениями. И только-только вынырнув на поверхность и обретя опору в строгих историко-географических деталях: "...в период с VII по X в. населяли сушу между двумя морями...", вновь обнаруживает, что его затягивает водоворот безудержной фантазии: "Известно, что ветры, пригнавшие их, были ветрами-самцами, – они никогда не приносят дождей, и из них растет трава, которую они влекут по небу как бороды" [Павич, 2000, с. 9].

Эта смесь обыденной речи и яркой чувственности на уровне первобытного анимизма каждый раз поражает. Однако при всей своей невероятности метафоры Павича не производят впечатления выдуманных, искусственных. Напротив, они настолько реалистичны, что их легко *увидеть, услышать* или *непосредственно ощутить*. Они реалистичны в гораздо большей степени, чем историко-архивные факты и детали повседневного быта, описанные привычным телеграфно-газетным современным стилем.

"Теперь мне остается только подождать, а вам придумать самый лучший способ действий, – заметил доктор Сук и посмотрел на стенные часы, которые, казалось, *неожиданно и сильно проголодались*" (курсив мой. – Е.П.) [Павич, 2002⁶, с. 235].

Что значит "проголодались?" Эти слова вызывают невольный трепет и какой-то благоговейный ужас. Метафоры Павича можно и нужно воспринимать буквально, потому что они *буквально* соответствуют той реальности сознания, которая их порождает. Это вовсе не сравнение. Это восприятие первобытного человека или ребенка, для которых вещи всегда такие, какими они кажутся, а похожие вещи вообще тождественны. Если гора похожа на спящего дракона, то это и есть страшный дракон, которого опасно будить. И если ночь скрывает путника, как капюшон скрывает лицо, то капюшон и ночь одно: "...отец Мануил последовал примеру своей скотинки и, *надев на голову ночь*" (курсив мой. – Е.П.), поспешил к монастырю" [Павич, 2002^a, с. 154].

Симфора особенно часто встречается в произведениях Павича, как и в древней поэзии, например, в висах исландских скальдов. Здесь как раз редко встретишь прямое название вещей: корабль, женщина, воин. Вместо этого *корабль* именуется "рысь морская", *женщина* – "нанна ниток", *воин* – "клен железного ливня", *битва* – "прибой блеска лезвий", *море* – "влага чаек", *кровь* – "роса стрел" и т.д. [Поэзия... 1979]. Предметы определяются друг через друга, порою образуя длинные цепочки взаимоотождествлений. Понимание происходит, как последовательное разгадывание загадок (в основе которых тоже лежит отождествление и замещение) или как раскрытие ларцов, вложенных друг в друга. Чтобы понять, что означает, например, "Ясень блеска степи семги", нужно пройти через все отождествления-замещения: "степь семги" – *море*, "блеск моря" – *золото*, "ясень золота" – *воин* [Поэзия... 1979, с. 32, 145]. Окончательное значение – воин. Получается что-то вроде матрешки: *ясень [блеска (степи семги)]*.

Другой прием, очень близкий симфоре, – буквализация эпитетов. Фигуральное выражение предстает как физический факт, приобретает прямые физические следствия: "среди туманов *таких тяжелых, что они тонут в воде...*" (курсив мой. – Е.П.) [Павич, 2000, с. 326]; «...волк с таким исключительным сложением, что может *"своей тенью опрокинуть стакан..."*» (курсив мой. – Е.П.) [Павич, 2002⁶, с. 71].

Образы Павича поражают неожиданностью, смелостью, пронзительной точностью. И это неудивительно, ведь в основе лежит один и тот же механизм синкретического мышления, спрессовывающий чувственные впечатления и спонтанные ассоциации в единый нерасчленимый образ [Леви-Брюль, 1996; Пронина, 2002].

Замена одного предмета другим на основании едва различимого порой сходства совершенно обновляет восприятие. Мы начинаем видеть, как в первый раз, как на заре человеческой истории, когда мир непредсказуем и полон чудес и чудовищ, когда абсолютно все возможно, потому что нет правил (вернее, они еще неизвестны): "Вначале, как говорит хазарское предание, все, что было сотворено – прошлое и будущее, все события и вещи, – плавало, растопленное в пламенной реке, все существа, бывшие и будущие, были перемешаны, как мыло с водой. Всякая живая тварь, к ужасу других, *могла в то время создавать любую другую* (курсив мой. – Е.П.), и только хазарский бог соли ограничил такой произвол и повелел всем существам рождать только себе подобных" [Павич, 2000, с. 224].

Это очень точное описание магического мироощущения. В основе магии лежит ощущение мистической сопричастности и всеобщего родства. Предметы передают друг другу свойства и без труда переходят (превращаются) один в другой (Фрэзер, 1982]. Таким образом, Павич доходит до самых истоков восприятия, где предметы утрачивают жесткие границы, приобретают многозначность и текучесть, и сквозь одно явление просвечивает другое. Но он не просто эксплуатирует готовые образы, он создает свои. И древнейший механизм мышления используется им для того, чтобы преодолеть привычные категории мышления, по-новому взглянуть на мир и окружающую реальность.

Павич испытывает и демонстрирует новые возможности мышления, как летчик-испытатель, совершающий головокружительные фигуры высшего пилотажа на глазах затаивших дыхание зрителей. Он смело меняет местами причину и следствие, прошлое и будущее, верх и низ. У тех, кто рискует последовать за писателем, возникает головокружение и почва порой уходит из-под ног, но одновременно появляется ощущение свободного полета, внезапно распахнувшегося пространства.

Особенно часто Павич экспериментирует с категориями времени. У него не только будущее зависит от прошлого, но и прошлое зависит от будущего. Возникает так называемая круговая причинность: причина порождает следствие, но следствие предопределяет причину.

"Как будет выглядеть новорожденный?..

– Ответить на этот вопрос трудно. Он не будет похож на вас. Или на них. Вы начнете походить на своего ребенка с того момента, когда произойдет оплодотворение. Это так, и с этим вам придется считаться..." [Павич, 2002^б, с. 217].

Будущее влияет на прошлое, и прошлое не является больше константой: "Прошлое внезапно переменилось: чем больше наступает будущее, тем сильнее изменяется прошлое, оно становится опаснее, оно непредсказуемо, как завтрашний день, в нем на каждом шагу закрытые двери, из которых все чаще выходят живые звери" [Павич, 2000, с. 325].

Что позволяет Павичу так остро чувствовать парадоксы времени, обнаруживая в повседневности иррациональные превращения базовых категорий реальности? Возможно, то, что сам он, как его героиня принцесса Атех, получает независимость от времени: "Так принцесса Атех осталась жить вечно и получила возможность бесчисленное количество раз снова и снова возвращаться к любому своему слову или любой мысли, никуда не торопясь, ибо вечность притупила чувство того, что во времени происходит раньше, а что позже" [Павич, 2002^а, с. 8].

Нужно ли для этого быть волшебницей? В общем-то нет. Достаточно увеличить масштаб категорий (до общих закономерностей истории или хотя бы до целой жизни). С этого ракурса волна времени видна вся целиком и как бы стоит. Подобно известным словам: "Время кончилось. Вечный миг настал". Появляется возможность смотреть на происходящее с разных ракурсов, из разных точек прошлого-настоящего-будущего. И в зависимости от позиции наблюдения время или замедляет свой бег, или течет вспять, или обретает многомерность и течет в разном темпе и в разных направлениях. Последнее возможно, если... если вести наблюдения *одновре-*

менно с разных позиций. Нижеследующие выдержки очень ярко иллюстрируют эту особенность поэтики Павича.

"Однажды после какой-то победы они захватили у врага в качестве трофея птицу – сыча, который своими криками указывал на источники питьевой воды. Тогда враги пришли жить вместе с ними. И время начало течь слишком медленно. Они старели за год так же, как раньше за семь лет... молоко у них выдерживало только безлунные ночи, которые длились так долго, что они забывали все дороги, а когда наконец наступал рассвет, не могли узнать друг друга, потому что за это время одни выросли, а другие постарели. И они знали, что поколения, застигнутые сумерками, больше никогда не увидятся" [Павич, 2000, с. 158].

"Короче говоря, Даласена легко рассказала мне всю свою жизнь, в которой не было ничего необычного, за исключением... нескольких недель жизни, которые текли не вперед, а назад" [Павич, 2002⁶, с. 207].

Многократно варьируя позиции наблюдения, меняя направления движения по "линии" (или "кругу") времени, писатель в какой-то момент совмещает разные позиции, как два кадра, наложенные друг на друга.

"Чтобы развлечь принцессу, слуги принесли ей два зеркала... одно из них было быстрым, а другое медленным. Что бы ни показывало быстрее... медленное... опаздывало ровно настолько, насколько первое уходило вперед. Когда зеркала поставили перед принцессой Атех, она была еще в постели и с ее век не были смыты написанные на них буквы. В зеркале она увидела себя с закрытыми глазами и тотчас умерла. Принцесса исчезла в два мгновения ока, тогда, когда впервые прочла написанные на своих веках смертоносные буквы, потому что зеркала отразили, как она моргнула и до и после своей смерти. Она умерла, убитая одновременно буквами из прошлого и будущего..." [Павич, 2000, с. 32–33].

Образ двух зеркал, одновременно отражающих прошлое и будущее, по своей иррациональности и глубине совершенно мифологичен, но не заимствован. Он глубоко связан с контекстом романа и является закономерным продолжением экспериментов автора со временем. Чтобы увидеть "в живом эфире" одновременно прошлое, будущее и настоящее, нужно находиться одновременно в трех точках. По крайней мере виртуально это возможно. И не просто возможно, но и необходимо, если мы хотим понять суть явления. Поэтому так ценится прогноз, а различные методы экстраполяции становятся все более и более совершенными. Павич не вносит ничего сверхъестественного, он просто реорганизует опыт. Он создает своего рода квантовую механику душевной жизни, во многом предвосхищая развитие научных категорий времени и пространства, во всяком случае выходит далеко за рамки парадоксов времени, рассмотренных А. Эйнштейном.

"Через хазарское царство протекала река с двумя названиями, ее вода текла в русле одновременно в двух разных направлениях: с запада на восток и с востока на запад. Реки назывались так же, как два хазарских времени года, так как хазары считали, что за период смены четырех времен года проходит не один год, а два, притом первый год течет в одном направлении, а второй в противоположном (таким же образом, как и их главная река)... Но и это было еще не все – один хазарский год тек из будущего в прошлое, а другой из прошлого в будущее" [Павич, 2000, с. 223].

Река, текущая одновременно в двух направлениях, на первый взгляд, кажется совершенным абсурдом. Но это поверхностный взгляд. Специалисты гидрологи говорят, что течение воды у берегов и на глубине может быть противоположно основному течению. Так что в одном русле вода действительно течет в разных направлениях. Собственно, поэтому и возникают водовороты и омуты. Но физическая реальность в данном случае не самоцель, она лишь подтверждает достоверность образа.

Метафора находит развитие в дальнейших рассуждениях о том, что и хазарский год течет в двух направлениях. И это вновь оказывается правдой и в буквальном, и в символическом смысле. В самом деле, весна и лето (холод – тепло) являются как бы зеркальным отражением осени и зимы (тепло – холод). Недаром в народных кален-

дарях год изображается в виде круга, и движение идет по кругу сначала сверху вниз, а затем снизу вверх, то есть в двух разных направлениях...

Большое значение для понимания мировоззрения Павича имеет отношение его к случайности.

"Чихоричи жили в Герцеговине, в том краю... где вода с крыши дома стекает в два разных моря: с одного ската крыши дождь сливается на запад – в Неретву и затем в Адриатику, а с другого на восток – через Дрину в Саву и Дунай и попадает в Черное море" [Павич, 2002^а, с. 110].

В вопросе о роли и природе случайности обнаруживается кардинальное отличие "подлинного" магического мышления от парадоксального мышления Павича. Дело в том, что для магического мышления не существует случайности. Все, что ни происходит, имеет определенную причину и свершается по чьей-то воле – человеческой или божественной. У Павича при всем сходстве с мифологическими сюжетами и образами отсутствует один из центральных моментов как магического, так и формально-логического мышления, а именно – линейность связи причины и следствия. Он не верит, что отдельно взятое событие или даже цепочка событий могут быть причиной чего-либо, повлиять на ход вещей. "Дело в том, что с Косачей довольно равно произошел не вполне обычный случай, один из тех, которые изменяют все течение жизни и выглядят так, словно вводят будущее в настоящее время в качестве причины целой череды событий, хотя на самом деле это совсем не так" [Павич, 2002^б, с. 158].

Для Павича причина всегда нелинейна. То, что кажется причиной, как правило, в действительности ею не является. Чаще всего причина – это сложное сцепление (нелинейный тезаурус) событий, происходящих и синхронно (одновременно), и диахронно (последовательно во времени), и параллельно (в нескольких пластах времени сразу), и в направлении как от прошлого к будущему, так и от будущего к прошлому. Данные события взаимодействуют друг с другом, так что, например, силовое поле грядущего трансформирует прошлое; "завтра" объясняет "сегодня"; "сегодня" опережает "завтра", а случайный поворот событий может разрушить весь тезаурус, подобно резонансу, взрывающему кристалл изнутри. Причина может и вообще отсутствовать, так же как в случае с дождевой каплей, которая, скатившись по крыше слева или справа, попадает в Черное или в Адриатическое море.

Столь сложная концепция времени и причинности обращает нас к главному роману Павича – "Хазарскому словарю", который представляет собой попытку воссоздать нелинейный тезаурус исторических событий и судеб, составляющих единое целое, несмотря на разделенность во времени и пространстве. Словарный принцип организации здесь не случаен. Он как нельзя больше соответствует многомерной структуре тезауруса: позволяет возвращаться к одним и тем же событиям, персонажам и предметам в разном контексте, нарушать и произвольно менять временную последовательность. А трехчастная структура, объединяющая Красную, Зеленую и Желтую книги (христианскую, исламскую и еврейскую версии), вводит дополнительные измерения в *n*-мерное пространство изложения, представляя события с трех разных точек зрения. Герои, описанные разными "составителями" и разбросанные во временах от Средневековья до наших дней, в конце книги на краткий миг встречаются. Происходит быстрая, как разряд молнии, трагическая развязка, два центральных персонажа погибают, другие исчезают из поля зрения, и их исчезновение не объясняется, как будто при соединении произошла аннигиляция античастиц, взаимоуничтожение полюсов антиномии.

Внимательное прочтение "Хазарского словаря" показывает, что мышление Павича настолько же "магично", насколько "магична", скажем, физика элементарных частиц или фрактальная геометрия. Павич действительно современный писатель, и не только по времени (как наш современник), но и по характеру мышления. Это тот стиль мышления, который в новейших исследованиях получил название сетевого [Аршинов, Данилов, Тарасенко, 2000] или Net-мышления [Пронина, 2001] и главная особенность которого – фрактальный, нелинейный принцип самоорганизации.

Фрактал – бесконечная самоподобная и самопорождающая структура, каждый сегмент которой является масштабированной свернутой копией всей фигуры в целом. Фрактал получается путем многократного самоповтора, как анфилада взаимоотражений в зеркалах, стоящих напротив друг друга, как репликация ДНК, обеспечивающая передачу наследственной информации, и т.д. Все звенья единого фрактала подобны друг другу и одновременно целому. В самом малом звене просматривается "фамильное" сходство со всем фракталом, а весь фрактал является увеличенной копией каждого своего звена.

Подобно фракталу выстраивается в "Хазарском словаре" мифический образ Адама – прачеловека, который представляет собой как бы все человечество. Он есть и "первый и последний человек" [Павич, 2002^в, с. 363]. Некогда он был сотворен и с тех пор продолжает существование в лице своих потомков, как если бы все они продолжали составлять единое целое, его "тело". "Вначале Адам был создан только из двух времен – мужского и женского, в себе самом. Потом – из четырех (они принадлежали Еве и ее сыновьям – Каину, Авелю и Сифу). Но потом число частиц времени, заключенных в человеческий облик, постоянно множилось, и тело Адама росло, пока не превратилось в огромную державу... Со смертью своего последнего потомка умрет и сам Адам..." [Павич, 2002^в, с. 363–364].

Собирание словаря рассматривается его составителями Масуди, Бранковичем, Козном и "хазарскими мудрецами" как воссоздание тела Адама. В этой поэтической метафоре человечество рассматривается как фрактальная структура, которая множится и растет, порождая отдельных людей, народы, империи, причем все части фрактала подобны друг другу и составляют единое целое. В этом смысле человечество может рассматриваться как единое архисущество и в то же время прообраз каждого человека в отдельности. "Ведь каждый человек хотя бы на одно мгновение своей жизни превращается в частицу Адама. Если все эти мгновения собрать вместе, получится тело Адама на Земле, но не в форме, а во времени..." [Павич, 2002^в, с. 365].

Будучи подобным фракталу, человек столь же беспределен во времени и пространстве. И хотя это ощущение может длиться одно мгновение, оно представляет условной момент, момент высшей полноты жизни. "...тот, кто знает все смерти всех людей, причем заранее, до самого конца света, знает и будущее этого света. Поэтому только тогда, когда мы включаемся в тело Адама, мы и сами становимся провидцами своего будущего" [Павич, 2002^в, с. 366].

"*Огромное тело Адама лежит не в пространстве, а во времени*" (курсив мой. – Е.П.) [Павич, 2002^в, с. 364], и для наблюдателя в этой позиции (когда точкой отсчета является весь фрактал) время *стоит*, и все происходит как бы одновременно. Именно это ощущает Павич. (Вспомним, что принцесса Атех, получив бессмертие, потеряла "чувство того, что во времени происходит раньше, а что позже".)

"Не только отдельные жизни, но и все будущие и прошлые времена, все ручейки вечности уже присутствуют здесь, разъединенные на крошечные кусочки и поделенные между людьми и их снами. Огромное тело прачеловека Адама ворочается и дышит во сне. Человечество переживает время все сразу и не дожидается завтрашнего дня. Таким образом, здесь время не существует" [Павич, 2002^в, с. 359–360]. Пространство, которое занимает фрактал, как и время, присутствует все сразу. "Здесь в Царьграде все, что помнит, все, о чем вспоминает человек, все, что составляет его настоящее, осуществляется в разных лицах одновременно, в один и тот же миг" [Павич, 2002^в, с. 358].

Подобно тому, как Эйнштейн, по его собственным словам, во время своих мысленных экспериментов летел вместе с пучком электронов, Павич "пульсирует" вместе с фракталом, то сжимаясь до точки-индивида, то расширяясь до эсхатологических масштабов архисущества как неделимой точки. В результате он получает возможность переживать время и пространство как в протяженном, линейном варианте (будучи индивидом, погруженным во время и пространство), так и в "свернутом", то-

чечном (как архисущество, содержащее в себе время и пространство), когда время ощущается как стоячая волна, как "вечный миг".

Согласно Павичу, время и пространство вообще можно переживать только во фрактале, который их материализует, осуществляет. Что и как происходит вне фрактала или внутри других фракталов, неизвестно. "...лишь одна часть времени освещена, проходима и доступна. Это часть времени, из которой состоит Адам. Все остальное для нас тьма, и пользуется этим остальным кто-то другой" [Павич, 2002^в, с. 365].

Модель пульсирующей точки, содержащей в себе время и пространство, весьма созвучна идее пульсирующей Вселенной, сжимающей и выпускающей время и пространство. Но если следовать Павичу, то и в развернутом виде Вселенная остается той же точкой. Все зависит от позиции идентификации. Если раньше речь шла только о линейном изменении позиции во времени или пространстве, то сегодня о том, что именно принимается за точку. Как выяснилось, любая точка "бездонна", и даже атом, представлявший некогда неразложимой единицей, делим, а электрон, по выражению В. Ленина, "неисчерпаем".

Произведения Павича можно рассматривать как своеобразную лабораторию, где в тиглях растворяются казавшиеся незыблемыми истины и выплавляются новые категории мышления. Эксперименты затрагивают буквально все стороны осмысления реальности. Не только время и пространство, но и собственное *Я* человека. Павич, как и другие корифеи современной литературы, остро чувствует нетождественность, нелинейность самой личности [Пронина, 2003]. Дополнительный нюанс, который вносит Павич в этот вопрос по сравнению, например, с русским писателем В. Пелевиным, в том, что он рассматривает нетождественность *Я* не только и не столько в синхронном аспекте – как одновременное сосуществование разных *Я*, – но и во временном, диахроническом аспекте: как неравенство себе личности в ближайшие моменты времени. «Ее зеленый глаз, как мне показалось, видел мир и меня быстрее, чем фиолетовый. Я готов был даже поклясться, что ее зеленый глаз видел меня на мгновение вперед по сравнению с нашим "сейчас", а фиолетовый – на мгновение позже... Поняв это, я разволновался, потому что если фиолетовый глаз принцессы отставал от настоящего, а зеленый был устремлен в лежащее перед ней будущее, то видеть меня принцесса не могла вовсе, ведь я-то обитал как раз в настоящем» [Павич, 2002^б, с. 223]. "Под хазарским лицом подразумевалась способность и особенность всех хазар, и принцессы Атех в том числе, каждый день пробуждаться как бы кем-то другим, с совершенно новым и неизвестным лицом, так что даже ближайшие родственники с трудом распознавали друг друга" [Павич, 2000, с. 30].

Отношения внутри личности весьма сложны. То же расслоение и десинхронизация времени, которые наблюдались автором во внешнем мире, обнаруживаются и внутри личности. "Казалось, что он доволен жизнью. Но жена его замечала, что иногда во сне ее муж становится на мгновение совершенно седым, а через одну-две минуты волосы его снова приобретают свой обычный цвет. Это были краткие приливы старости, преходящих ночных страхов, которым не удавалось пробиться на поверхность" [Павич, 2002^б, с. 128–129].

Но игра мистификаций и блеск парадоксов не забава. Это мощный инструмент диагностики эпохи. Говоря словами писателя, "нелегко обуться в чудо и из слов смастерить лопату" [Павич, 2002^б, с. 364]. И если это удастся, то неслучайно. Образно говоря, увидеть Вселенную как точку можно в двух случаях – в начале, перед взрывом, и в конце, в момент сжатия. Что именно ожидает человека и человечество – новый расцвет или катастрофа – неизвестно. Во всяком случае так называемый "фазовый переход" очень близок, а это в каком-то смысле всегда катастрофа. Момент шаткого равновесия уже настал, и край очень близко... "...Сегодня конец света настолько назрел, стал настолько возможным, что можно в любую минуту ожидать – взмахнет крыльями бабочка – и он наступит..." [Павич, 2002^б, с. 51].

Весьма символично, что писатель такого масштаба и столь эсхатологического мироощущения появился именно в крошечной Сербии, вскоре ставшей центром

судьбоносных и знаковых для мира событий. Символично и то, что роман "Хазарский словарь" об исчезнувшем народе был написан до развала Югославии, бомбардировки и раздела Сербии. Писатель как будто и в самом деле видел одновременно прошлое и будущее как единую структуру. В его рассказах и романах историческое прошлое Сербии таинственным (а вернее сказать, нелинейным) образом связано с ее настоящим и приближающимся будущим. В этом смысле показателен рассказ "Икона, которая чихает", написанный еще в 1974 г.

Повествование начинается в XIV в. во время осады сербского монастыря Хиландар на Афоне и заканчивается в 1950 г. Внутрь рассказа вставлена легенда, благодаря которой читатель углубляется в прошлое еще на 6 веков, когда икона сотворила первое чудо. Таким образом, повествование как бы пронизывает 12 веков, соединяя в единое целое судьбы людей, народов и государств.

По завету икона должна находиться в Сербии до тех пор, пока существует сербское государство. Несколько веков она действительно хранится в Сербии, но исчезает из королевской обители в XIV в. после сокрушительного поражения сербских войск от турок на Косовом поле. Чудесным образом икона попадает в Грецию, в Хиландарский монастырь. С тех пор монахи монастыря ожидают, что икона снова возвратится в Сербию. Но когда в 1912 г. сербская армия освободила Косово, икона почему-то не вернулась. Удивленные монахи отправили своего посланца в Сербию. «После года скитаний монах вернулся и сказал, что видел на Косовом поле памятник турецкому султану Мурату, а в Газиместане – надгробный памятник в честь разбитого турецкого войска, но не сумел отыскать памятников ни на месте, где был убит сербский князь Лазар, ни там, где рядом с церковью Самодреже погребен величайший сербский герой Милош Обилич. Неудивительно, решили монахи, что "Троеручица" не покидает своего места в хиландарской трапезной...» [Павич, 2002^a, с. 151–152].

В 1950 г. на Косовом поле, как сообщила печать социалистической Югославии, в память о погибших сербских воинах был воздвигнут большой обелиск. Но икона опять не вернулась. Почему? Монах, безуспешно пытавшийся вернуть икону в Сербию, рассудил так: "Кто его знает, – размышлял отец Мануил, – эти сербы, может быть, теперь уже не сербы. Вон, у них и язык уже давно не настоящий. Судя по всему, это какие-то новосербы, а уж там, за границей, может, и нет больше никого из наших..." [Павич, 2002^a, с. 154].

Значит, *тех самых* сербов больше нет. Они не вернулись. Почему? Ответом служит дорожный знак, припомнившийся отцу Мануилу, и фраза, всплывавшая в его памяти из далекого прошлого: *"Место того, кто уходит, никогда не останется пустым"* (курсив мой. – Е.П.) [Павич, 2002^a, с. 155].

Дальнейшая история Косова, развязка которой теперь известна, придала мрачный пророческий смысл этим словам. Что это: случайное совпадение или особая прогностическая сила сетевого мышления? Правда ли, что фактическая потеря Косова, массовый исход коренного сербского населения явились следствием событий многолетней давности, духовной смуты, которая завершилась в конце концов войной и физическим поражением? Об этом – "Хазарский словарь", повествующий о жизни и обычаях некоего исчезнувшего народа.

Можно подумать, что роман состоит из одних мистификаций – народа такого давно нет и история его явно вымышленная. Но единственная и главная мистификация состоит в том, что хазары на самом деле существуют и история их вполне аутентична. Только зовутся они не "хазары". Фикцией является имя "хазары", скрывающее подлинные имена реальных участников коллективной истории. События и факты, описанные в романе, с детства известны каждому, кто учился в русской, югославской или болгарской школе: приглашение ко двору верховного правителя представителей трех великих религий, выбор веры, многоконфессиональное и полиэтническое устройство государства – все это слишком узнаваемо, чтобы не понять прозрачных аллюзий автора. Хазарское государство – это и Югославия, и Россия, и все

славянские государства в целом, возникшие на скрещении дорог, мировых религий и цивилизаций. Вспомним, что, например, славянское население бывшей СФРЮ исторически принадлежало к трем разным конфессиям: католицизму, мусульманству и православию, так же как и все славянское население Восточной и Южной Европы. Существенно, что по трем версиям, представленным в романе, хазары приняли сразу три разные веры (ведь каждая версия утверждает, что выбор был сделан в пользу той конфессии, которую она представляет). Что означает для самого этноса существование в лоне трех разных религий, можно представить, зная тревожную историю Балкан, многочисленные гражданские войны, а также самоубийственный югославский конфликт конца XX в., вовлекший почти все славянские государства, выступившие на разных сторонах. Провидчески звучат рассуждения одного из персонажей романа: "Не живут ли в моих душах три веры вместо одной? ... Не знаю, но я ясно прочувствовал, что три мои души воюют во мне, и одна из них, с саблей, уже в Царьграде, другая сомневается, плачет и поет, играя на лютне, а третья ополчилась против меня" [Павич, 2000, с. 268].

Но не в этом главная печаль. При всем взаимном противоречии это все же одна, триединая душа: "Или же всегда, как и в книге о сотворении света, – продолжает рассуждать герой Павича, – необходима троица, а кто-то один недостаточен, и поэтому я не случайно стремлюсь найти двух других, как и они, вероятно, стремятся найти третьего... Мои души для своего совершенства ищут содействия других душ, так души помогают друг другу" [Павич, 2000, с. 268–269].

Настоящая беда не в этой множественности души. Беда в том, о чем Павич вынужден писать эзоповым языком в духе памфлетистов XVII в., например Дж. Свифта, описывавшего современное ему общество в виде вымышленных стран и народов: лилипутов, гуингмов и т.д.

"Устройство хазарского государства было довольно сложным, а его подданные делились на родившихся под ветром (хазары) и всех других, которые родились над ветром, то есть пришли в страну хазар из других мест (греки, евреи, сарацины или русские). Большинство населения царства составляли хазары, все остальные были представлены лишь небольшими группами. Административное деление царства, однако, было таково, что это почти не бросалось в глаза. Государство делилось на округа, которые там, где есть еврейское, греческое или арабское население, назывались их именем, в то время как самая большая часть страны, в которой жили только хазары, была разбита на несколько округов под разными названиями. Таким образом, только один из этих округов носил имя хазарского, остальные же имя и место в государстве получили на другой основе. На севере, например, был выдуман целый новый народ, который *согласился отказаться* (здесь и далее курсив мой. – Е.П.) от своего хазарского имени и хазарского языка и, соответственно, свой округ назвал по-другому. С учетом всех этих обстоятельств и вообще *незавидного положения хазар в их царстве*, многие из них *действительно отказывались* от своего происхождения и языка, от своей веры и обычаев, скрывали, кем они являются на самом деле, и выдавали себя за греков или арабов, считая, что таким образом больше преуспеют в жизни...

Количество посланников от каждого из округов при дворе было непропорционально размерам населения, которое они представляли, оно зависело от числа округов, из чего следует, что хазары, составляющие большинство населения страны, *оказывались при дворе в меньшинстве*. Продвижение по службе в такой ситуации и при таком соотношении сил было обусловлено слепой преданностью нехазарам. Достаточно было *отказаться называться хазаром*, и это сразу открывало дорогу при дворе и позволяло сделать первые шаги в карьере. Следующие шаги требовали *антихазарской позиции и подчинения хазарских интересов интересам* греков, евреев, туркмен, арабов или готов, как там называли славян" [Павич, 2000, с. 225–227].

Дальнейшее описание внезапно (и ненадолго) переходит с языка бесстрастной хроники на более характерный для Павича глубоко метафорический, почти аутистический.

тический (как внутренняя речь) язык образов и символов, в котором вдруг прорывается безмерная горечь: «Один мой ровесник, хазар, сказал мне недавно странные слова: "До нас, хазар, доходит лишь часть будущего, самая твердая и неудобоваримая, с которой труднее всего справиться, так что нам приходится пробиваться сквозь него, как сквозь сильный ветер, боком. Это будущее состоит из забродивших отбросов, и оно, как болото, затягивает нас все глубже и глубже. Нам достаются только заплесневелые и обгрызенные куски, только то из будущего, чем уже пользовались, что обтрепали и изгадили, а кто получает лучшие куски при общем дележе и растаскивании будущего – мы даже не знаем..."» [Павич, 2000, с. 227].

Внешне абсурдная картина, когда сила уступает слабости, а большинство склоняется перед меньшинством, поначалу кажется очередным парадоксом, продолжением мистификации. Однако сами собой вдруг всплывают слишком хорошо известные факты и гораздо менее известные широкому кругу цитаты, вроде: «Интернационализм со стороны угнетающей нации или так называемой "великой" нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически...» [Ленин, с. 359].

Сакраментальные вопросы "Почему?", "За что?" мучили не одно поколение. "Арабский хронист" Павича дает очень простой ответ: "...потому что каган, сам хазар, считал, что те, другие, не представляли для него опасности ввиду своей малочисленности..." [Павич, 2000, с. 227].

Итогом такой жизни становилось то, что хазары больше не могли и *не хотели* быть хазарами. "В хазарской столице Итиль было такое место, где два человека (это могли быть и совершенно незнакомые люди), пройдя один мимо другого, получали имя и судьбу этого другого и продолжали жить дальше, обменявшись жизненными ролями, как шапками. Среди тех, кто ждет возле этого места очереди поменяться судьбой с другим, все равно с кем, толпилось больше всего хазар" [Павич, 2000, с. 228].

Кажется, сюрреализм достигает в этой точке предельной степени. Поражаешься непредсказуемому ходу мысли и необычной фантазии автора. Но... вдруг вспоминаешь слова солдатской песни из кинофильма "Щит и меч":

Что пожелать тебе сегодня перед боем,
Ведь мы в огонь и дым идем не для наград.
Давай с тобою обменяемся судьбою,
Махнем не глядя, как на фронте говорят...

Ф. Достоевский в "Записках из мертвого дома" описывает обычай, бытовавший среди ссыльных заключенных в России, когда они в буквальном смысле менялись местами на очередном этапе и затем шли каждый по новому маршруту, не надеясь что-то выгадать, просто стремясь, как они говорили, "сменить судьбу".

Таким образом, портрет, создаваемый Павичем, психологически точен. Писатель хорошо знает "хазарский народ". Он с восхищением пишет о его мужестве и самоотверженности, благодаря которым было создано Хазарское царство: "...они были прекрасные воины, копьём и саблей могли орудовать даже держа их ногой, рубить двумя саблями сразу, правая и левая рука у них действовали одинаково ловко, потому что обе с детства были научены воевать" [Павич, 2000, с. 229].

Государство существовало благодаря хазарам, которые "как самые многочисленные, несли на себе основной груз воинской повинности": "...обязанностью хазар являлось поддерживать целостность всего государства и воевать за него, пока евреи, арабы, греки, готы и персы, жившие в Хазарии, тянули свой край одеяла на себя, а вернее, на те страны, откуда они происходили.

По вполне понятным причинам в случае военной опасности описанные отношения менялись. Хазарам предоставлялось гораздо больше свободы, на них смотрели

сквозь пальцы, начинали воспевать их славные победы в прошлом..." [Павич, 2000, с. 229].

На память приходит, как во время Великой Отечественной войны большевики, до того разрушавшие церкви и практически не признававшие русской истории до 1917 г., учредили ордена в честь русских полководцев: Александра Невского, Суворова, Кутузова.

Хазары старались и умели видеть целое – великого Адама в каждом человеке. Ловцы снов, священнослужители древней хазарской веры искали значимые моменты в жизни людей и создавали из них словари биографий. Собственно, "Хазарский словарь" и есть такая книга. Из чего следует, в частности, что автор – тоже хазар, хазарский мудрец и чародей, ловец снов. Он тоже видит будущее. (Кстати, в одном из своих интервью Павич как-то сказал, что больше всего из всех своих героев похож на принцессу Атех.)

Однако, отдавая должное хазарам, Павич нигде не выражает ни сожаления, ни стремления к возмещению. Писатель безжалостно и даже с каким-то удовлетворением перечисляет нелепости и глупости, которые неизбежно приведут "больного" к летальному исходу. Это странно и даже отталкивает, но и понятно. Ведь он – тоже хазар. А хазары, как мы видели, *не хотят* быть хазарами: "Интересно, что хазары, оказавшись за пределами своего государства, стараются скрыть, кто они такие, и скорее пройдут мимо своего соотечественника, не показав ему своего происхождения, чем признают перед ним, что говорят и понимают по-хазарски" [Павич, 2000, с. 306].

Бесстрастно отражая реальность, выявляя все изъяны и губительные мутации, Павич не перестает быть частью этой "больной" реальности, потому что отражает и самого себя. Это анфилада самоотражений, набор матрешек, озеро в озере (как в рассказе "Сборник Романа Мелода"). Фрактальный принцип построения образа, сетевое мышление воссоздают реальность и субъективную позицию автора (как ее часть) в равной степени достоверно. Он остается самим собой, а значит, хазаром, вплоть до того, что пишет эзоповым языком, поскольку не может нарушить запрет, не позволяющий хазарам заниматься собственной историей. "В хазарском государстве можно встретить ученых евреев, греков или арабов, которые очень хорошо знакомы с прошлым хазар, с их книгами и памятниками. Они отзываются о них с похвалой, и их знания весьма подробны, некоторые из них даже пишут о хазарской истории, однако самим хазарам это не разрешено, они не имеют права рассказывать и писать книги о собственном прошлом" [Павич, 2000, с. 304].

Итак, мы видим не только описание хазарских проблем, но и их воплощение в лице самого автора. Его идентичность так же поражена, так же истекает кровью, как у всех хазар.

"Что касается захоронений в Челарева, то венграм хотелось бы, чтобы это были венгры или авары, евреям – евреи, мусульманам – монголы, и никто не заинтересован, чтобы они были хазарами. А скорее всего это именно они... Захоронение насыщено осколками гонимых сосудов с изображенными на них менорами. Ввиду того, что у евреев расколотый гонимый сосуд означает пропавшего, конченого человека, это кладбище представляет собой могилы *пропавших, конченных людей, каковы-ми и были хазары на том месте, а возможно, и в то время*" (курсив мой. – Е.П.) [Павич, 2000, с. 140].

Это повесть умирающей идентичности о самой себе. Но несмотря на это, а может быть, вследствие этого писатель очень ясно видит существо болезни. Он видит, что именно отказ от идентичности – причина гибели хазар. Хазары не исчезли, не вымерли, они *перестали быть хазарами*. Об этом – в заключительной сцене романа. Хазарская принцесса Атех, верховная жрица, покровительница ловцов снов и хазарского языка, став бессмертной, работает официанткой в стамбульском отеле. Она выступает свидетельницей на суде по делу об убийстве, и обвинитель задает ей вопрос: "А кто вы по национальности, мадемуазель или мадам Атех?".

"Свидетель: Это трудно объяснить.

Обвинитель: Постарайтесь, будьте добры.

Свидетель: Я хазарка.

Обвинитель: Как вы сказали? Я не слышал о таком народе. Какой у вас паспорт? Хазарский?

Свидетель: Нет, израильский.

Обвинитель: Прекрасно. Это-то я и хотел услышать. Как же так – хазарка, и с израильским паспортом? Вы изменили вашему народу?

Свидетель (смеется): Нет, скорее наоборот. Хазары переродились в евреев, и я вместе с другими приняла иудаизм и получила израильский паспорт. *Что мне делать одной на свете? Если бы все арабы стали евреями, разве вы остались бы арабом?*" (курсив мой. – Е.П.) [Павич, 2000, с. 376–377].

Концовка романа без надежд, без иллюзий. Последние хранители словаря, так самоотверженно восстанавливавшие его, погибают от рук шайтанов, принявших образ людей. Хазарский словарь "дошел до нас" только благодаря последней жертве своего последнего владельца. У доктора Сука, хранившего словарь, было волшебное яйцо, разбив которое с острого конца можно было миновать, не проживая, один несчастливый день, избежав тем самым неприятностей, например собственной смерти. А если разбить яйцо с тупой стороны, то можно было спасти какой-либо предмет, например книгу. Доктор Сук предпочел книгу собственной жизни и в момент опасности разбил яйцо с тупой стороны...

Хотя роман затрагивает проблемы конкретного этноса, он нашел широкий отклик в разных странах и вызвал сильный резонанс среди представителей разных национальностей. Поднявшаяся волна общественного интереса и внимания была так велика, что Павич сразу стал всемирно известным писателем. Вряд ли многих задела проблемы небольшой страны. Дело в другом. Образ, созданный Павичем, это фрактал, бесконечно масштабируемый и позволяющий изучать себя в любом разрешении – от микроскопических размеров до космических. На среднем уровне разрешения видишь конкретный этнос, на нижнем, мельчайшем – индивида и его внутреннюю психическую жизнь, на самом крупном – Адама, человечество. Процессы, протекающие на всех уровнях, – изоморфны (подобны), как фрагменты фрактала. Потеря собственной идентичности, обернувшаяся гибелью этноса и развалом великого государства, происходит и на микроуровне – как угасание личности, и на макроуровне – как потеря связи и смысла в существовании человечества, распад и самоуничтожение "Адама".

Вопрос ведь не только в том, что хазары не хотят быть хазарами. Это просто итог. Вопрос в том, почему они *согласились* жить так, что быть хазарами стало невозможно. И это вопрос не только психологический, но и социально-практический. Он связан с проблемами эволюции всякого этноса. Какие-то народы более или менее благополучно решили эту проблему, другим только предстоит ее решать, а кому-то это так и не удалось... Парадокс в том, что, имея судьбоносные, в прямом смысле слова геополитические последствия, эта проблема должна решиться в первую очередь на уровне индивидуальной психики.

Дело в том, что до определенного момента социум выживал исключительно посредством военной организации и государства. "...хазары, как самые многочисленные, несли на себе основной груз воинской повинности, хотя среди военачальников все народы были представлены равноправно. Воинам говорили, что лишь воюющие достигают гармонии и равновесия, все же остальное вообще недостойно внимания" [Павич, 2000, с. 229].

В этих условиях индивид и этнос шли на жертву: индивид – отдавал жизнь, собственные права распоряжаться собой, терпел лишения и дискомфорт, этнос – платил своей численностью и риском полного уничтожения при очередном походе. Но до определенного момента развития цивилизации не было другого способа и шанса выжить в борьбе за существование. **Времена изменились, но жертвенность осталась.** Осталось слияние этноса и государства в коллективном сознании, отождествление

блага государства и блага народа, интересов вождя и государства, путаница с понятиями "Отечество" и "Ваше превосходительство" и т.д. Эти особенности дольше всего сохранялись и даже целенаправленно культивировались у государствообразующих наций. Инерционность психики, законсервированной к тому же самодержавными режимами, была с выгодой использована нуворишами, авантюристами и просто бандитами, которые после падения самодержавных режимов в начале XX в. легко узурпировали власть. Эта новая узурпация оттянула момент психического созревания и поставила этнос на грань физического и духовного истощения.

Роман Павича показывает, что деградация и деморализация зашли так далеко, что речь уже идет не столько о выживании этноса, сколько о выживании оставшихся индивидов. Сил на сохранение этноса уже нет. И хазары отказываются быть хазарами. Но спасет ли их это? Может ли хазар выжить как *нехазар*? Может ли он выжить один, без своего этноса? И роман, и реальное развитие событий в Косове показывают, что это проблематично. Потерять идентичность – значит потерять свое место. А, как уже было сказано, *"место того, кто уходит, никогда не остается пустым"*. Но как остаться хазаром и не стать заложником очередного "каганата", как не попасть в ситуацию самоуничтожения? Вот вопросы, которые сетевое мышление ставит перед каждым человеком в отдельности и перед всей современной цивилизацией в целом.

Именно сейчас, в эпоху развития индивидуальности и возрастающих угроз национальной безопасности со стороны терроризма, незаконной миграции, экологического неблагополучия и т.д. как никогда обостряется антиномия личности и этноса, этноса и государства. Государство стремится усилить свою власть (и для этого есть основания), а личность – сохранить свою независимость (как завоевание человеческой эволюции). И выясняется, что государство и этнос, этнос и личность не одно и то же, что пересечение интересов в определенных пунктах не означает тождества. Именно поэтому так велики надежды на формирование гражданского общества, которое могло бы составить противовес патриархальной власти государства, стремящегося к безусловному доминированию над личностью, и обеспечить необходимую эмансипацию и защиту индивида и этноса от этих притязаний.

Хазары пали жертвой собственного государства, которое, став сильным, начало вести самостоятельное существование в ущерб интересам этноса: «...хазарское государство называется царством кагана, или каганатом, а *первоначальное название хазарского царства, которое предшествовало каганату и создало его благодаря своим успехам в войне, исчезло* (курсив мой. – Е.П.). В их собственном государстве хазар неохотно называют этим именем, а стараются пользоваться каким-либо другим названием, избегая слова "хазар"» [Павич, 2000, с. 229].

Но этнос пропустил момент этой странной диссоциации... "Эмансипировавшееся" государство выпило этнос до дна и погибло, как лиана, иссушившая питавшее ее дерево.

Излечение этноса возможно при условии, что государство займет подобающее ему место в иерархии ценностей и будет использоваться в интересах этноса, а не наоборот. Но это произойдет только тогда, когда изменится психология хазар и они поймут, что интересы хазар и есть интересы Хазарии, что Хазария – не каганат, а сами хазары. "Еще Польша не сгинела, пока мы живы", – пели поляки в самые сложные времена, когда даже название "Польша" исчезло с геополитических карт. И они оказались правы. Польша выжила, даже потеряв на время государственность. Потому что Польша – это не государство, а поляки. Пока есть поляки, есть и Польша. Пока существуют хазары, будет и Хазария. Это дилемма жизни и смерти, и ее не решить, пока каждый хазар не почувствует, что он и есть Великая Хазария, что Хазария в нем, где бы он ни был, что именно этой Хазарии в нем (поскольку другой нет) служит государство и каган, их можно сменить хоть тысячу раз, а Хазария останется, пока есть хоть один хазар. Жертвы вредны. Благоденствие Хазарии зависит только от благоденствия каждого хазара в отдельности. Добиваться достойного существования – главная задача патриота. А до тех пор существование хазар действительно под вопросом. И могучий государствообразующий этнос, и социум, объеди-

ненный общей идентичностью (например, американский народ, европейцы), в определенный момент своего развития будут подходить к этому барьеру, за которым или откат в прошлое – к очередному кагану и самогеноциду, или переход на новый уровень существования, новый уровень взаимодействия социума, государства и личности.

Соединить коллективную (этническую) идентичность и индивидуальную, государственные интересы и интересы этноса, общесоциальные и личные цели, не смешивая и не разрывая их, – все равно что соединить качества волны и частицы, но это единственный способ быть в современном обществе, единственный шанс не скатиться к законам биологического отбора. Этническая (или другая коллективная) идентичность такой же инструмент выживания личности, как личность – источник и гарантия выживания этноса (социума). Это верно на всех уровнях социальной организации. В конце концов, человечество существует, пока жив хоть один человек.

Но насколько возможен "фазовый переход" мышления? Одно из условий во всяком случае присутствует – ресурсы прежнего состояния исчерпаны, достигнут предел, пограничное состояние, момент последнего шаткого равновесия системы, за которым – или окончательная погибель, или возрождение. Этот момент достаточно растянут, почти неподвижен, как в минуту опасности. Он длится уже давно. В этих условиях от нас зависит, что будет дальше. Диагноз поставлен. Имя болезни найдено. И это уже немало.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аршинов В., Данилов Ю., Тарасенко В. Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации. 2000. <http://www.flogiston.df.ru/projects>.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1996.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45.

Павич М. Железный занавес. Рассказы. СПб., 2002^а.

Павич М. Страшные любовные истории. Рассказы. СПб., 2002^б.

Павич М. Хазарский словарь. Роман-лексикон. Женская версия. СПб., 2000.

Павич М. Хазарский словарь. Роман-лексикон. Мужская версия. СПб., 2002^в.

Поэзия скальдов. М., 1979.

Пронина Е.Е. "Живой текст": четыре стиливых признака Net-мышления // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 6.

Пронина Е.Е. Психология журналистского творчества. М., 2002.

Пронина Е.Е. Фрактальная логика Виктора Пелевина // Вопросы литературы. 2003. № 4.

Советский энциклопедический словарь. М., 1990.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1982.